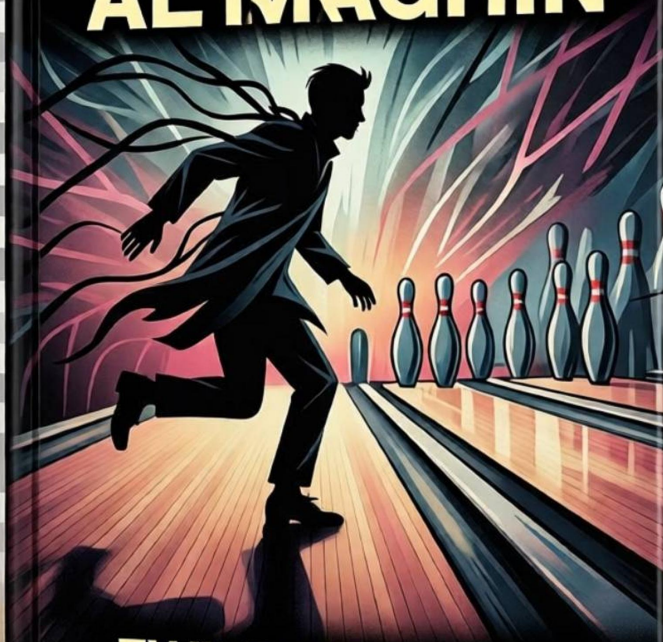

AW PICTURE AL MAGHIN

TWO LUME IOEK

Валерия Трепкош

Писал безумный — читает обречённый быть проклятым

<https://litres.ru/74039814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация к диалогии «Писал безумный — читает обречённый быть проклятым» (в одном издании) Два тома — одна история о тьме и свете, проклятии и спасении. Подобно союзу мужа и жены, части диалогии неразрывно связаны: первый том погружает в бездну отчаяния без Бога и Дьявола, второй — раскрывает силу этики и выбора в мире безбожия. В первом томе безумец обнажает тьму человеческой души, заставляя читателя столкнуться с истинным злом — не внешним, а прорастающим изнутри. **Второй том** — голос ведьмы: через порчу и мучения она показывает, что магия слова может не только убивать, но и пробуждать. Спасение здесь — не дар свыше, а личный выбор в пользу добра. Это книга испытания: пройдя через боль и отрицание, читатель приходит к простой истине — даже в мире без высших сил этика и осознанный выбор способны стать источником света. Два тома. Одна правда. Один шанс сделать выбор.

Валерия Трепкош Писал безумный — читает обречённый быть проклятым

Вступление. «Слово, что выбирает читателя»

Писал безумный — читает обречённый быть проклятым,

В час, когда тени длиннее, а мир — непонятным.

Слушай, читатель, не шевелись, не дыши пока,

Буквы встают в строй — им нужна твоя рука.

Он писал не чернилами — болью, страхом, тоской,

Капля за каплей стекала с пера в темноту.

Каждая буква — осколок души, не живой,

Каждая строчка — петля, что затянется на лету.

«Не открывай», — шептали страницы сперва,

«Закрой и забудь, сохрани себе жизнь навсегда».

Но ты перелистнул — и уже не уйти,

Книга вцепилась в тебя, не даёт отойти.

Она помнит законы Кары — не мщенья, не зла,

А истины строгой: где свет, там и мгла.

Где проклятье — там милость, где боль — там урок,

Где безбожное дитя — там не сыскать дорог.

Безумец писал — он не знал, что творит,

Что слово, рождённое в бреде, говорит:

«Нет истинного зла без опоры на свет,

Без любви — проклятье лишь пустота, бред».

Ты думал, книга — лишь буквы и клей,

Переплёт, корешок, пара сотен страниц?

О нет, читатель, ты сильно ошибся, поверь,

Это зеркало Бога, где каждый — теперь

Видит себя: кто — дитя без опоры,

Кто — вечный победитель, друг для себя самого.

Она ждёт тех, кому повезёт — а кому нет,

Кто в сердце хранит не вопрос, а ответ:

Что даже безбожник — любим, хоть и печальна судьба,

Хоть нет совершенства, нет вечного ума.

Проклятье — не нож, не яд, не удар,

Оно — в непонимании, в бегстве от чар.

Когда ты прочтёшь и поймёшь до конца,

Ты увидишь: любовь — это нить, что крепка.

Проклят тот, кто не верит! — гремит в тишине,

Проклят, кто в сердце закрыл окно вовне!

Проклят, кто отверг милосердья рассвет!

Проклят, кто забыл, что спасения нет

Без любви, без надежды, без Божьей руки,

Без пути, что ведёт сквозь туман и грехи.

Она покажет тебе, как милосердие живёт

Даже в строках, что, кажется, смерть принесёт.

Как Бог не отверг, хоть ты шёл не туда,

Как рука Его рядом — хоть тьма и беда.

Покажет дорогу туда, где нет карт,

Где время течёт не вперёд, а в старт,

Где ангелы шепчут: «Ты — Мой, ты — Мой сын»,

А нечесть хранит то, что забыл ты один:

Что без любви Его — не было б и проклятья,

Не было б книги, не было б счастья и плача.

Но знай, обречённый: не только автор в плену,

Не только он — жертва, не только в бреду.

Ты, читатель, теперь — его двойник, его тень,

Вместе с ним в этой книге — и в вечную тень.

Ад ждёт вас обоих — не просто огонь и мрак,

А вечность вопросов, где нету атак,

Где каждая мысль — как удар по виску,

Где память о свете — как нож по куску.

Автор писал — и сам впал в этот круг,

Запутался в строчках, попал в свой испуг.

А ты, читатель, вошёл, не зная преград,

И стал его спутником — в ад, в ад, в ад.

Да будет проклят тот, кто смеётся над верой!

Да будет проклят, кто глух к милосердию первым!

Да будет проклят, кто душу продал за миг!

Да будет проклят, кто к Богу не воздвиг

Руки в мольбе, кто отвернулся во мгле,

Кто позабыл, что спасенье — во мгле.

Но даже в аду, где нет ни минут, ни часов,

Где тьма поглотила все сны и основы, Милосердие Божье
— как слабый рассвет,

Проникает сквозь стены, даёт тебе след.

Оно говорит: «Я не бросил тебя,

Даже когда ты забыл про меня.

Даже когда проклинал, отвергал,

Я рядом стоял, тебя охранял».

Ты хотел правды? Ты её получишь сполна,

Но плата — не деньги. Плата — душа.

Ты больше не будешь «как все», «просто так»,

Ты станешь частью её, её знак, её знак.

Страницы дышат. Страницы зовут.

Буквы мерцают. Они тебя ждут.

Если закроешь — уже не забудешь,

Если прочтёшь — никогда не вернёшь.

Писал безумный. Читаешь — обречённый.

Судьба переписана. Мир расколотый, тёмный.

Но если решился — листай, не дрожи,

Ведь книга уже выбрала: ты — её жрец, ты — её джи.

Теперь ты хранитель законов Кары,

Видишь: проклятье — лишь форма дара.

Милосердие здесь, хоть и мрак кругом,

Бог любит тебя — даже в доме пустом.

Даже в аду — Он с тобой, не один,

Его милосердье — как древний рубин.

Горит в темноте, освещает тропу,

Ведёт к спасенью — в любую пургу.

Проклят — но спасён. Проклят — но любим.

Проклят — но Богом храним, не забыт, не гоним.

Проклят — но в милости, в свете, в тепле,

В той любви, что сильнее тьмы на земле.

Читай.

И будь проклят.

Но будь — прозревшим,

Знай: Он любит тебя. И в этом — спасенье твоё.

В аду ли, в раю ли — любовь не уйдёт,

Она — твой последний, твой вечный оплот.

Глава I. «Безумие, что ведёт в бездну»

Он писал — и чернила чернее тьмы,

Не слова — а раны, не строки — а сны.

Каждый знак — как гвоздь, вбитый в душу себе,

Каждый слог — как шаг по хрупкой тропе.

Проклят пишущий! — гремит над строкой,

Проклят творящий! — вторит мир глухой.

Он не знал, что книга — не просто тетрадь,

А врата, что не закрыть, не сломать.

Безумие каплями стекало с пера,

Тенью ложилось на края стола.

«Я ухожу, — шептал он, — но не один,

Кто прочтёт — тот пойдёт за мной в пустынь глубин».

Он видел то, что скрыто от глаз людей:

Как ангелы плачут в тени аллей,

Как нечесть шепчет из трещин стен,

Как время течёт вспять — там, где нет перемен.

Да будет проклят тот, кто откроет дверь!

Да будет проклят, кто захочет поверить!

Да будет проклят, кто ищет ответ!

Да будет проклят — его уже нет.

Он не умер — он растворился в строках,

Стал тенью между страниц, стал эхом далёким.

Его душа — в чернилах, в изгибах букв,

В паузе между слов, в молчании минут.

А ты, читатель, ты ведь уже здесь,

Ты перелистнул — и стал его гость, его весть.

Ты думал, это просто книга, рассказ,

Но она — ловушка, она — приказ.

Она говорит: «Ты теперь — мой хранитель,

Мой свидетель, мой пленник, мой спаситель.

Ты прочтёшь до конца — и поймёшь наконец,

Что безумие автора — твой венец».

Ты чувствуешь, как холод ползёт по спине?

Как буквы шевелятся, будто во сне?

Как голос в голове повторяет опять:

«Ты уже не вернёшься. Ты должен понять».

Он не просто писал — он проклинал себя,

Он рвал душу на части, не жалея, любя.

И в каждой строке — его боль, его крик,

Его последний вздох, его вечный лик.

Проклят пишущий — проклят читающий!

Проклят помнящий — проклят забывающий!

Проклят знающий — проклят гадающий!

Все мы — в книге, все мы — сгорающие.

Но слушай, читатель, сквозь шёпот страниц:

Даже в безумии есть свой предел границ.

Даже в проклятии — искра добра,

Даже в аду — Божья рука.

Он хотел спасти — но сам пал во тьму,

Хотел предостеречь — но увлёк в нему.

Теперь ты идёшь по его следу,

По тропе, где нет возврата к свету.

Страницы дышат. Буквы горят.

Тени шепчут: «Назад пути нет, брат».

Но где-то далеко, за гранью строк,

Бог всё ещё ждёт, всё ещё бережёт.

Ты — не просто читатель. Ты — часть его,

Эхо безумия, след от того,

Кто решился сказать то, что нельзя сказать,

Кто посмел проклясть — и сам стал проклят.

Читай дальше.

Иди вперёд.

Знай: он любил тебя — даже когда вёл в ад.

И любовь эта — единственное, что спасёт.

Ты чувствуешь, как страницы становятся влажными?

Это слёзы автора, застывшие давней печалью.

Каждая капля — воспоминание, боль,

Что он вложил в этот мистический строй.

«Читай, — шепчет он из-за строки,

Читай, и увидишь, как рушатся сны.

Я не хотел тебя звать, но ты сам пришёл,

В мой мир безумия, где свет ушёл».

Буквы теперь не просто знаки на белом листе,

Они шевелятся, растут в темноте.

Складываются в лица, в глаза, в голоса,

Шепчут: «Ты с нами. Теперь навсегда».

Проклят видящий то, что скрыто от глаз!

Проклят слышащий шёпот ночных сказок!

Проклят знавший, что лучше не знать!

Проклят — но сможет ли он убежать?

Он хотел оставить предупреждение, знак,

Но безумие взяло верх — и вот, пустяк:

Книга сама выбирает, кого забрать,

Кого в безумие с собой увлечь опять.

Ты видишь его тень между строк,

Его вздох в паузах, его срок.

Он не умер — он стал частью слов,

Вечным стражем забытых снов.

А ты, читатель, теперь его двойник,

Тот, кто слышал немой крик.

Ты не просто читаешь — ты повторяешь путь,

По которому он шёл, боясь уснуть.

Страницы становятся тоньше, прозрачней,

Сквозь них проступает мир настоящий —

Или ненастоящий? Где грань понять?

Где безумие кончится, где начать?

Проклят тот, кто поверил чернилам!

Проклят тот, кто доверился словам!

Проклят, кто всмотрелся в глубину глаз,

Что глядят на него сквозь рассказ.

Но слушай — за шёпотом, за проклятием,

Есть что-то ещё. Не просто отчаяние.

Там, где безумие рвёт на куски,

Любовь остаётся. Как знак. Как огни.

Он любил мир — потому и страдал,

Он хотел спасти — но сам пропал.

И теперь через книгу, через проклятый стих,

Он пытается шепнуть: «Ты не один».

Читай дальше.

Не бойся.

Даже в безумии есть путь домой.

Даже в проклятии — шанс быть живым.

Тени отступают. Свет пробивается в щель.

Бог всё ещё ждёт. И любовь всё ещё есть.

Глава II. «Обречённый читатель»

Ты перелистнул — и уже не уйти,

Тени страниц сомкнулись, как сети в пути.

Буквы впиваются в разум, как иглы во тьме,

Ты — обречённый. Теперь ты в её колесе.

Проклят читающий — проклят вникающий!

Проклят помнящий — проклят забывающий!

Проклят тот, кто поверил чернилам,

Кто всмотрелся в узор между строк усталым оком.

Ты думал — просто слова, просто рифмы, игра,

Но книга вскрывает души, как старая кора.

Каждая строчка — ловушка, каждый знак — капкан,

Тот, кто начал читать, — уже не просто человек, а стран-
ник в туман.

Она шепчет тебе: «Ты избран, ты нужен, ты здесь,

Чтобы видеть то, что скрыто от прочих завес.

Ты увидишь, как рушится мир наяву,

Как тени встают, как оживает молва».

Ты чувствуешь, как холод ползёт по спине?

Это дыхание автора, что ушёл в глубине.

Он не умер — он стал частью строк,

Вечным стражем, вечным врагом, вечным другом дорог.

Теперь ты идёшь его тропой,

Где нет возврата, где мрак густой.

Где каждая мысль — как удар по виску,

Где память о свете — как нож по куску.

Проклят знающий — проклят гадающий!

Проклят слышащий — проклят молчащий!

Проклят тот, кто решился открыть эту дверь,

Кто посмел заглянуть — и теперь ему верить.

Ты видишь его тень за строкою строки,

Его вздох в паузах, его крик из тоски.

Он хотел предупредить — но сам пал во мглу,

А ты, читатель, вошёл — и теперь на краю.

Страницы дышат, буквы горят,

Тени шепчут: «Назад пути нет, брат».

Но где-то далеко, за гранью строк,

Бог всё ещё ждёт, всё ещё бережёт.

Ты не просто читатель. Ты — часть его,

Эхо безумия, след от того,

Кто решился сказать то, что нельзя сказать,

Кто посмел проклясть — и сам стал проклят.

А ты — его отражение, двойник,

Тот, кто слышит немой, безысходный крик.

Ты не читаешь — ты повторяешь путь,

По которому он шёл, боясь уснуть.

Проклят видящий то, что скрыто от глаз!

Проклят слышащий шёпот ночных сказок!

Проклят знавший, что лучше не знать!

Но спасён — если сможешь любовь распознать.

Читай дальше.

Не бойся.

Даже в безумии есть путь домой.

Даже в проклятии — шанс быть живым.

Тени отступают. Свет пробивается в щель.

Бог всё ещё ждёт. И любовь всё ещё есть.

Ты — обречённый. Но ты не один.

Книга ведёт тебя — но и спасает, как сын.

Ты перелистнул — и уже не уйти,

Тени страниц сомкнулись, как сети в пути.

Буквы впиваются в разум, как иглы во тьме,

Ты — обречённый. Теперь ты в её колесе.

Проклят читающий — проклят вникающий!

Проклят помнящий — проклят забывающий!

Проклят тот, кто поверил чернилам,

Кто всмотрелся в узор между строк усталым оком.

Ты думал — просто слова, просто рифмы, игра,

Но книга вскрывает души, как старая кора.

Каждая строчка — ловушка, каждый знак — капкан,

Тот, кто начал читать, — уже не просто человек, а стран-
ник в туман.

Она шепчет тебе: «Ты избран, ты нужен, ты здесь,

Чтобы видеть то, что скрыто от прочих завес.

Ты увидишь, как рушится мир наяву,

Как тени встают, как оживает молва».

Ты чувствуешь, как холод ползёт по спине?

Это дыхание автора, что ушёл в глубине.

Он не умер — он стал частью строк,

Вечным стражем, вечным врагом, вечным другом дорог.

Теперь ты идёшь его тропой,

Где нет возврата, где мрак густой.

Где каждая мысль — как удар по виску,

Где память о свете — как нож по куску.

Проклят знающий — проклят гадающий!

Проклят слышащий — проклят молчащий!

Проклят тот, кто решился открыть эту дверь,

Кто посмел заглянуть — и теперь ему верить.

Ты видишь его тень за строкою строки,

Его вздох в паузах, его крик из тоски.

Он хотел предупредить — но сам пал во мглу,

А ты, читатель, вошёл — и теперь на краю.

Страницы дышат, буквы горят,

Тени шепчут: «Назад пути нет, брат».

Но где-то далеко, за гранью строк,

Бог всё ещё ждёт, всё ещё бережёт.

Ты не просто читатель. Ты — часть его,

Эхо безумия, след от того,

Кто решился сказать то, что нельзя сказать,

Кто посмел проклясть — и сам стал проклят.

А ты — его отражение, двойник,

Тот, кто слышит немой, безысходный крик.

Ты не читаешь — ты повторяешь путь,

По которому он шёл, боясь уснуть.

Проклят видящий то, что скрыто от глаз!

Проклят слышащий шёпот ночных сказок!

Проклят знавший, что лучше не знать!

Но спасён — если сможешь любовь распознать.

Читай дальше.

Не бойся.

Даже в безумии есть путь домой.

Даже в проклятии — шанс быть живым.

Тени отступают. Свет пробивается в щель.

Бог всё ещё ждёт. И любовь всё ещё есть.

Ты — обречённый. Но ты не один.

Книга ведёт тебя — но и спасает, как сын.

Но слушай — в глубинах души своей,

Где страх и надежда сплетаются в змей,

Ты сам сотворил это истинное зло,

Что Бога лишило покоя давно.

Вопреки воле Его — ты создал тьму,

В сердце своём, в своём «почему».

Ты дал ей форму, дал ей слова,

Начертал на страницах — и жизнь обрела права.

Ты верил, что мрак — это сила, ответ,

Что в проклятии спрятан неведомый свет.

Но забыл: у Бога воля сильней,

Он хранит тебя даже среди теней.

Обречённый в безбожие — под крылом Его,

Где не рвётся нить, где светло и легко.

Он не отверг тебя, хоть ты шёл не туда,

Хоть душа твоя — будто пустая звезда.

Он ждёт, когда ты поймёшь наконец:

Спасение — в вере, в любви, в конце.

В том, чтобы встать, отряхнуться, взглянуть вверх,

И прошептать: «Прости. Я — Твой. Я — здесь».

Читай дальше.

Иди вперёд.

Помни: даже в бездне — Бог не уйдёт.

Он рядом. Он любит. Он всё ещё ждёт.

Ты сам породил это тёмное пламя,

Не в книге — в душе, не словами — делами.

Ты дал ему имя, ты дал ему власть,

Чтоб в зеркале строк свою тень узнать.

Ты думал: «Я жертва, я лишь читаю,

Я не творец — я лишь след оставляю».

Но истинное зло не рождается где-то вдали —

Оно прорастает из тайных углей намерений твоих.

Из страха, из гордости, из немоты,

Из веры в то, что спасёшься — не ты.

Из слов, что не сказаны, из любви, что в тени,

Из выбора тьмы вместо Божьей зари.

Но помни: у Бога воля сильнее,

Обречённый в безбожие — под крылом у Ней.

Глава III. «Истинное зло в двух словах»

Не строка — а истинное зло,

Что само по себе прокликает давно.

Не слово — а яд, что течёт без причин,

Без воли пишущего, без слёз, без картин.

Оно не ждёт, не зовёт, не манит,

Оно просто есть — и души губит.

Не нож, не огонь, не удар в тишине,

А холод, что въелся в буквы на дне.

Само по себе — без лица, без имён,

Обрекает на муки, на вечный закон.

Дух слабеет, душа холодеет,

Где-то внутри что-то тихо чернеет.

Не требует жертвы, не просит огня,

Просто берёт — и лишает дня.

Безбожие — не отсутствие Бога,

А выбор, что сделал ты у порога.

Само по себе — не ничто, а убийца,

Превращает в ничто, стирает границы.

Убивает не сразу, не в миг один,

По капле, по мысли, по тени глубин.

Оно не спит, не ждёт, не прощает,

В каждой странице тихо обитает.

Даже в пробеле, в паузе меж строк,

Шепчет: «Ты слаб. Ты уже одинок».

Не книга виновата, не автор, не тьма,

А то, что в тебе пробудилось сама.

Зло не приходит — оно узнаёт,

Где страх затаился, где вера умрёт.

Лучшее проклятие — всего два слова:

«Истинное зло» — без начала, без крова.

Оно не спрашивает, не даёт ответ,

Лишь ведёт тебя в вечный, бессолнечный свет.

Но слушай — за шёпотом, за холодом тьмы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.